

Несколько слов об архиве-призраке и новелле-невидимке

Сигизмунд Кржижановский

"...Меня не покидало беспокойство о Сигизмунде Доминиковиче. Мы жили на разных квартирах и обычно встречались вечером. Утром я не знала, как прошла ночь, проснулся ли он в своей постели. Иногда, не в силах дожидаться вечера, я после трех часов звонила в редакцию, зная, что в это время работа уже прекращалась, и звонок не выдаст моей тревоги. Мне отвечали: "Кржижановский был, уже ушел", — и я спокойно дожидалась вечерней встречи.

Особенно меня волновала судьба рукописей. Он правил рукописи у меня на квартире и тут же оставлял их. Почти все они лежали у меня в шкафу на полке, прикрытые черной шитой золотом парчой (иронический намек на их литературное небытие)".

Этот фрагмент воспоминаний жены Сигизмунда Кржижановского Анны Бовшек относится к пограничью двадцатых-тридцатых годов.

И далее: "Настроение, общую подавленность и настороженность тех дней Кржижановский отразил в рассказах "Красный снег" и "Воспоминания о будущем".

В данном случае "рассказы" — не обозначение жанра: стостраничную повесть "Воспоминания о будущем" куда вернее было бы назвать "романом". Но так Бовшек именует в мемуарах все сочинения Кржижановского.

Повесть — единственная прозаическая вещь Кржижановского, написанная в 1929 году.

В двух сохранившихся составленных писателем "Автобиблиографиях" датую 1930 помечены три заглавия: "Чужая тема", "Материалы к биографии Горгиса Катафалаки" и "Красный снег". Два из этих трех произведений — большая новелла и повесть — опубликованы мною два десятка лет назад, их машинописи есть в архивном фонде Кржижановско-

го, хранящемся в РГАЛИ, обнаружились они и среди тех сочинений, которые Бовшек подарила немногочисленным своим друзьям "на память о Сигизмунде Доминиковиче" и которые в семидесятых-восемидесятых годах осели постепенно в моем собственном архиве.

Все вещи, обозначенные в "Автобиблиографиях", в этих двух архивах были. Кроме одной.

"Красного снега" не было нигде.

Искать его стоило уже хотя бы по одному тому, что им, в сущности, почти завершаются пять наиболее интенсивных и ярких лет в творчестве Кржижановского-прозаика, когда написаны почти все самые значительные, знаковые его новеллы и повести — те, которые ныне определяют совершенно особое место этого писателя в русской литературе, и не только в ней (добавить можно разве что появившийся годом позже "Мост через Стикс").

Через семнадцать лет после смерти мужа, в 1967 году, уезжая "доживать" из Москвы в родную Одессу, Анна Гавриловна увезла с собой и все бумаги Кржижановского, которые в начале пятидесятых не отдала в государственный архив. По большей части — копии того, что есть в РГАЛИ (кое-что присылала друзьям и оттуда). Но резонно было предположить, что не только. Ну хотя бы потому, что в РГАЛИ нет ни одной рукописи этого писателя (исключение — письма), даже "Записные Тетради" здесь являют собою стопку машинописных страниц. Конечно, известно, что Кржижановский свои сочинения преимущественно не писал, а диктовал машинисткам (в письмах называл свою работу "диктантами"), но все же полное отсутствие рукописей. Возможно ли?..

Летом 1996 года в Одессе на даче семьи Бовшек (Большой Фонтан, 16-я станция) я беседовал с родственницами, верней — свойственницами Анны Гавриловны. И старшая из них, вдова племянника, Валентина Осмоловская, подтвердила: бумаги были, много бумаг, десятки папок да еще фотографии. И все это после смерти Анны Гавриловны ее сестра, Екатерина Довгань (свекровь Осмоловской), передала в Одесское отделение Литфонда УССР. Благо работники ононого были ей хорошо знакомы: принадлежащий Литфонду Дом творчества соседствует с дачей Бовшек, которую дирекция Литфонда одно время пыталась присвоить, но уладилось, обошлось.

По моей просьбе к поиску подключились сотрудники Одесского литературного музея. И ни следа не обнаружили. Из разнообразных предположений в итоге осталось два — совершенно пессимистическое и сдержанно оптимистическое.

Первое: бумаги попросту — тогда же — выбросили. Мало ли безумных вдов, убежденных, что их мужья были гениальными писателями, и заваливающих сочинениями покойного редакции и архивы! Мне и самому с такими доводилось встречаться...

Второе: распорядиться бумагами столь решительно работникам Литфонда могло (должно ли было? — вопрос) помешать то, что Кржижановский числился членом Союза писателей. И если в городском архиве папок нет, надо думать, их переслали "по команде", то бишь в Литфонд Украины. В Киев.

Там их, впрочем, тоже искали.

В частности, молодые гуманитарии-киевляне, затеявшие в начале девяностых издание внушительных размеров журнала "Новый круг" и вожделевшие в каждом номере печатать материалы, так или иначе связанные с творчеством замечательного земляка. Осуществить сие сумели, однако вышло всего три номера.

Или посетившая украинскую столицу московская аспирантка, писавшая диссертацию о Кржижановском. Ей удалось откопать в напластованиях ветхой периодики несколько публикаций Кржижановского, относящихся, по определению автора, к "дописательскому" периоду, — и выстроить на этом основании собственный концептуальный вариант понимания и оценки творчества писателя.

Были и другие искатели.

Архив не дался в руки никому.

Короче, к 1999 году, когда началась работа над пятитомным собранием сочинений Кржижановского, "базовый" архив его представлялся скорее призраком, фантомом, нежели реальностью. Это огорчало, но не слишком удивляло. Уж если могилу писателя, умершего в Москве в 1950 году, найти невозможно, что говорить о давным-давно и неведомо где заблудившихся его бумагах, которые не могли сказать ничего ассоциативно-внятного практически никому из тех, у кого в руках могли очутиться. Ибо автор этот — прижизненно и посмертно — был известен лишь "своей неизвестностью"...

Изучая его биографию, исследуя написанное, ко всякого рода странностям не то чтобы привыкаешь, но неизбежно с ними смиряешься. Как сказал однажды Владимир Николаевич Топоров, было бы куда более странно, если бы "вокруг Кржижановского" подобных вещей не происходило.

За шесть лет были изданы четыре тома собрания сочинений, включившие в себя, как я полагал, всю завершённую прозу Кржижановского, а также исследования и статьи о литературе и театре. Ко времени, когда вот-вот должен был появиться четвертый том, работа над пятым была практически завершена — пьесы, незавершённое, "Записные Тетради", письма, воспоминания о писателе, вклейка с фотографиями.

Поиск нескольких фотографий для этой самой вклейки и привел внезапно к обнаружению архива.

В Киеве.

Почему до сих пор он ускользал, — для меня загадка. Поддается ли разгадыванию? — не уверен. Ведь даже документ о принятии архива на хранение — не без странности, совершенно в духе Кржижановского. Там сказано, что переданы папки в 1972 году женой писателя Анной Бовшек, умершей, как известно, в семьдесят первом...

В описи фонда кроме "Красного снега" значится еще несколько вещей, о которых я доселе не слышал: в "Автобиографиях" они не упомянуты. И еще — "Копилка образов" (сотня страниц "приготовления к писательству" — миниатюры, этюды, путевые записки), на-

броски, ранние статьи – и конспекты поздних, неосуществленных статей, больше похожих на монографии (скажем, "История ненаписанной литературы"), автограф "Записных Тетрадей", существенно отличающийся от машинописи, хранящейся в РГАЛИ, фотографии...

Так что к занятиям пятым томом пришлось вернуться. Он и прежде был весьма объемистым, а тут в него добавилось около четырехсот страниц неведомых прежде текстов этого автора. И пятитомник... стал шеститомником. Два последних тома были готовы к концу 2007 года. Затем последовал экономический кризис, наотмашь ударивший по издательствам. Обе книги до сих пор не вышли – ждут своего часа. Для наследия Кржижановского ожидание – дело привычное...

Впрочем, ожидание это не всегда пассивно, подчас оно взрывается – внезапно, на диво своевременными.

Быть может, в том и дело, думается мне, что архив возник именно тогда, когда, помедли он еще немного, в Собрание сочинений его содержимому было бы уже не попасть. Кто знает...

Можно понять, читатель в том убедится, почему Анна Бовшек не рискнула не только доверить "Красный снег" государственному архиву, но и просто выпустить из рук – под любознательные глаза. При жизни это сочинение было смертельно опасно для автора, после смерти – для его наследия. И тем более опасно, что речь идет об одном из самых художественно завершенных и совершенных сочинений Кржижановского. Кто хорошо знает предмет, то бишь судьбу литературы советской поры, поймет, что одного такого текста вполне могло хватить для того, чтобы все произведения автора канули в беспамятство, в бездну спецхрана: мост через Стикс перейти им было бы не дано.

Судя по машинописи (а рукопись не сохранилась, во всяком случае, искать ее теперь уже негде), Бовшек отдавала себе в том отчет. Рискну предположить, что перепечатывала новеллу она сама – неумело, на старенькой с истертыми литерами машинке, с трудом разбирая неумоимо сгущающую строки авторскую правку, все эти вымарки и вставки, перестановки слов и фрагментов. Ни на одну из множества прежде виданных мною машинописей Кржижановского эта решительно не похожа.

Анна Бовшек